

Beata Wegnerska-Ptaszkiewicz

Театрология Б. К. Зайцева "Путешествие Глеба" : к проблеме жанра

Acta Polono-Ruthenica 10, 59-66

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Beata Wegnerska-Ptaszkiewicz
Bydgoszcz

Тетралогия Б.К. Зайцева *Путешествие Глеба* – к проблеме жанра

Тетралогия *Путешествие Глеба* является итоговым произведением зарубежного периода творчества Бориса Константиновича Зайцева. Созданию этого, вне всякого сомнения, значительного литературного произведения, писатель посвятил без малого двадцать лет¹. Названное произведение состоит из четырех автономных частей: *Заря* (1937), *Тишина* (1948), *Юность* (1950), *Древо жизни* (1952), в которых ведущей темой является религиозное преображение автобиографического героя (Глеба) в течение сорока лет его жизни, то есть с конца 80-ых годов XIX века до 30-ых годов XX века. Для самого Зайцева его религиозное возрождение было связано не только с возвращением к периоду его детства, молодости, но, прежде всего, с обращением к корням России – Святой Руси.

Выбор литературного жанра не был случайностью, поскольку автобиографичность является одной из главных черт русской литературы XX века, вместе с ее исповедальным характером и стремлением к самопознанию². Автобиография по мнению Э. Абуталиевой – это воспроизведение событий собственной жизни³; по словам Филиппа Лежена – ретроспективное прозаическое повествование, в котором действующее лицо представляет свою судьбу в ее единичном аспекте и с особым учетом истории личности⁴. Автор

¹ А. Черников, *Борис Зайцев (1881–1972)*, [в:] *idem*, *Серебряный век русской литературы*, Калуга 1998, с. 230.

² Э. Абуталиева, *Содержательные и структурные доминанты автобиографического романа в русском зарубежье 20-50-х годов XX века*, [в:] *Русский роман XX века. Духовный мир и поэтика жанра. Сборник научных трудов*, под ред. А. Ванюкова, Саратов 2001, с. 78. Уместно здесь назвать автобиографические романы эмигрантов И. Бунина, *Жизнь Арсеньева*, А. Куприна *Юнкера*, В. Набокова *Другие берега*.

³ *Ibidem*, с. 78.

⁴ P. Lejeune, *Pakt autobiograficzny*, [w:] K. Dybciak, *Teksty*, Warszawa 1975, s. 31 oraz P. Lejeune, *On Autobiography*, trans. K. Leary, Minneapolis 1989.

может, как продолжает М. Бежур, призвать свои переживания и показать их как собственные⁵.

Следует подчеркнуть, что человек, предпринимающий усилия, чтобы рассказать про самого себя, знает, что настоящее отличается от прошлого и не повторится в будущем. Он верит, что „jest rzeczą pożyteczną i ważną utrwalić swój własny obraz, skazany w przeciwnym wypadku na zagładę, jak wszystko na tym świecie”⁶. Эта гибель связана с памятью, которая по Б. Аверину, стирает некоторые черты и события человеческой жизни, другие делает едва различимыми, третьи же, причем далеко не всегда ближайшие по времени, запечатлены в ней очень ярко и прочитываются легко⁷.

Для Зайцева автобиография является чем-то большим. Писатель не только преодолевает беспокойство, связанное с собственным существованием, но и упорно ищет свое предназначение, смысл бытия. Как констатирует Г. Гусдорф, автобиография – это зеркало, которое отражает собственное мировоззрение человека и одновременно показывает необходимость критической оценки его поступков⁸. Зайцев размышляет о своих поступках через признания – исповеди (определение Р. Любас-Бартошиńskiej), в которых писатель критически помещает себя в образы других людей и в другой мир ценностей⁹. Для автора *Путешествия Глеба* автобиография является процессом создания самого себя как человека, преодолевшего собственные слабости, а также процессом созревания к жизни в вере и – наконец – это способ, ведущий к полной перемене жизни в свете Бога. Новую жизнь писатель постигает через обращение к корням русского народа, к православной религии, культуре (в широком значении этого слова), через тщательное изучение истории собственного народа, его традиции и формирующейся с X века (после крещения Руси) одухотворенной России Святой Руси.

Зайцев писал о своей тетралогии следующее: *Путешествие Глеба* обращено к давнему времени России, о нем повествуется как об истории,

⁵ M. Beaujour, *Autobiografia i autoportret*, [w:] Z. Kopularska, *Pamiętnik Literacki*, PAN Warszawa–Wrocław–Poznań 1979, s. 344.

⁶ G. Gusdorf, *Warunki i ograniczenia autobiografii*, [w:] Z. Kopularska, op. cit., s. 263. Zob. również: Б. Томашевский, *Литература и биография*, [в:] *Книга и революция*, Москва 1923 (4).

⁷ Б. Аверин, *Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции*, Санкт-Петербург 2003, с. 16.

⁸ Ibidem, s. 265.

⁹ R. Lubas-Bartoszyńska, *Między autobiografią a literaturą*, Warszawa 1993, s. 19.

с желанием, что можно, удержать, зарисовать, ничего не пропуская из того, что было мило сердцу. Это история одной жизни...”¹⁰. Писатель не скрывает своей тождественности с Глебом. Сосредоточив внимание на собственном автобиографическом герое, он поясняет: „...автор занят неким Глебом, который, может быть, только ему и интересен, а вовсе не читателю. Но тут у автора появляется и лазейка, и некоторое смягчающее обстоятельство: во-первых, сам Глеб не под знаком восторга перед ним. Напротив, хоть автор любит своего подданного, все же покаянный мотив в известной степени проходит через все. [...] Бог с ним с Глебом лично, ведь он такой же (ребенок, позже подросток, юноша), как тысячи других, значит, говорить о его исканиях цели жизненной, томлениях, сомнениях религиозных и пути приближения к Истине – значит говорить о человеке вообще”¹¹.

З. Мацеевски считал, что Зайцев в повествовании стремился утаить любые отношения с биографией творца¹². Исследователь объяснял этот факт тем, что писатель отказался от хотя бы краткого введения, пролога к *Путешествию Глеба* и таким образом показал, что в „игре” между литературностью и действительностью пытается признать первенство второй. Однако Зайцев сохранил заглавие, которое, правда, может быть ошибочным и сочетаемым с литературным жанром путешествий, но тем не менее, вместе с отдельными частями тетралогии относится к традициям заглавий русских автобиографических повестей¹³. Зайцевское заглавие не только демонстрирует автобиографичность произведения, но и, как констатировал Мацеевски, предупреждает, каким способом и с какой перспективы подмечена в ней собственная человеческая судьба автора¹⁴.

Однако не только заглавие является показателем автобиографизма произведения. И. Скварек пишет о так называемых „элементах автобиографизма”, которые читатель находит и в *Путешествии Глеба*. К ним принадлежат способ формулировки заглавия, мотто, сказовая стилизация произведения а также тождественность автора, рассказчика и героя, как и автотематические упоминания – главным образом,

¹⁰ Б.К. Зайцев, *Собрание сочинений в 9 томах*, Москва 1999, т. 9, с. 591.

¹¹ Ibidem, с. 591–592.

¹² Z. Maciejewski, *Sugestie autobiograficzne w rosyjskiej prozie neorealisticznej („Жизнь Арсеньева” I. Wunina i Путешествие Глеба В. Zajcewa)*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska”, vol. III, 2, Lublin 1985, s. 33.

¹³ Ibidem, s. 34.

¹⁴ Ibidem.

биографическая конструкция, охватывающая период детства и молодости, присутствие современных реалий и подлинных лиц¹⁵. К перечисленным элементам обязательно надо добавить повторяемость сюжетов и монотематичность. На автобиографический характер тетралогии указывает также насыщенность повествования дезиллюзионистскими приемами, особенно частые ссылки на так называемого „назначенного автора”¹⁶, которые соединяются с элементами, подсказывающими возможность идентифицирования его с реальным автором. Хронологическая структура повествования в автобиографии является наиболее полной из всех возможных. Повествование, как достояние письменной истории в культуре принимает статус знака реальности и гаранта исторической правды¹⁷.

Зайцев воспользовался кроме того топом путешествия, который, по мнению Х. Заворской, „jako czynnik współokreślający porozumienie autora z czytelnikiem co do wartości gatunkowej rozpatrywanego dzieła, ewokuje tam jeden ze swych pierwszorzędnych sensów co oznacza wędrówkę jako doświadczenie egzystencjalne”¹⁸. Путешествие автора является, без всяких сомнений, путешествием индивидуума. Опыт писателя позволил сделать выбор имени путешественника. Имя Глеб относит к биографии страстотерпца Глеба.

Глебово путешествие содержит ориентацию и воздействие зайцевского путешествия¹⁹. Лейтмотивом *Путешествия Глеба* является путь, который, по мнению И. Искржицкой, являет собою „... суть – центробежную и центростремительную. Реальное, эпическое время романа, его пространство уносят Глеба из настоящего в будущее, а личное, лирическое время и пространство автора устремлены в святое »прежде«, счастливое »там»”²⁰. Путь у Зайцева, как и у Гоголя, – это символ России и судьбы писателя, он тоже „начало тех радостей скитания, которыми была благословенна жизнь его”²¹.

¹⁵ I. Skwarek, *Uwagi o możliwościach badania międzywojennej powieści autobiograficznej*, [w:] *Katastrofizm i awangarda*, red. T. Bujnicki, Katowice 1979, s. 108–109.

¹⁶ K. Jakowska, *Autor kreowany w polskiej prozie międzywojennej*, [w:] *Autor – podmiot literacki – bohater*, red. A. Martuszewska, J. Sławiński, Wrocław 1983, s. 201.

¹⁷ Por. R. Lubas-Bartoszyńska, *Tożsamość osobowa w tekstach autobiograficznych Stefana Niesiołowskiego*, [w:] *Literatura i komunikacja. Od listu do powieści autobiograficznej*, red. A. Blaim, Z. Maciejewski, Lublin 1998, s. 273.

¹⁸ Zob. H. Zaworska, *Sztuka podróży*, Kraków 1980, s. 25.

¹⁹ Z. Maciejewski, op. cit., s. 35.

²⁰ И. Искржицкая, „Пантеистическое одяние юности” Б. Зайцева, [в:] *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*, под. ред. А. Черникова, Калуга 2000, с. 96.

²¹ Ibidem, s. 91.

Зайцев не отрицает осознанного участия в перемещении по пути *in via vitae*, не отрицает и факт отражения своего жизненного пути в Глебовом путешествии. Л. Гинзбург писала, что автобиографическая литература ведет „прямой разговор о человеке, она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора”²². В повествовании тетралогии доминирует точка зрения взрослого человека на его прошлое. Зайцев вспоминает детство, тихий гармоничный мир и все, что безвозвратно ушло.

Тот минувший мир кажется видением, ослепительным сиянием, от которого „падает резкий свет от настоящего”²³. В структуре литературного мира функционируют мотивы-картины и мотивы-ситуации в характере статических элементов, формирующих пространство произведения, а также динамические мотивы (события из жизни Глеба), благодаря которым показанный мир развивается во времени. Так же функционирует мир литературного произведения у других русских писателей-эмигрантов. В качестве примера стоит назвать автобиографический роман Владимира Набокова *Другие берега*, в котором писатель сравнил свое детство с „утерянным раем”²⁴. Следовательно, в этих случаях можно говорить о тождественности автора со своим литературным героем. Упомянутая тождественность в повествовании дает возможность для идентификации литературного субъекта как самого себя, *ipse* особы²⁵. Структуру личной тождественности создает ответ на вопрос: кто я, кто предпринимает действие, что говорит? Потому тождественность, раскрывающаяся в повествовании, составляет странную смесь „воспоминаний и забвения”²⁶, ибо индивидуальная тождественность скрыта в глубине рассказа, а рассказ-это прежде всего люди²⁷.

Ф. Лежен утверждает, что тождественность является не сходством, а фактом – признанным или нет, но на уровне акта высказывания, непосредственно уловимым²⁸. Каждый автор имеет свою собственную

²² А. Гинзбург, *О старом и новом: Статьи и очерки*, Ленинград 1982, с. 17.

²³ И. Полуэктова, „Лирический” роман Б.К. Зайцева: „Заря”, [в:] *Русский роман XX века...*, с. 125.

²⁴ См. В. Wegnerska-Ptaszkiewicz, *Россия Набокова*, „Slavica Stetinensia”, t. 3, Szczecin 2002, s. 115–121 oraz „Утерянный рай” детства в романе В. Набокова „Другие берега”, „Rossica Olomucensia XL”, Olomouc 2002, s. 161–165.

²⁵ Zob. R. Lubas-Bartoszyńska, *Pisanie autobiograficzne w kontekstach europejskich*, Katowice 2003, s. 13.

²⁶ P. Ricoeur, *Większość była gapiami. Z Paulem Ricoeurem rozmawia J. Żakowski*, „Gazeta Wyborcza” 23–24 czerwca 2001.

²⁷ T. Todorov, *Ludzie opowieści*, przeł. R. Zimand, „Pamiętnik Literacki” 1973, s. 269–282.

²⁸ P. Lejeune, *Pakt autobiograficzny*, przeł. A. Łabuda, [w:] *Wariacje na temat pewnego paktu. O autobiografii*, red. R. Lubas-Bartoszyńska, Kraków 2001, s. 25.

историю, а ее изложение делает ее истинной. Автобиографии предоставляют материал для определения психологической тождественности их автора и являются осязаемой очевидностью личности самого автора.

Автор *Путешествия Глеба* искреннее заинтересован судьбой своего героя. Он описывает очередные этапы жизни Глеба, начиная с его присутствия в деревне Усты Калужской губернии, далее повествуется о селениях небольших (Будаки, Людиново) и побольших (Калуга), чтобы в конце перейти к Москве, что соответствует главным этапам жизни Зайцева. Писатель показывает также процесс формирования сознания и характера творческого человека, который способен видеть и переживать „поэзию окружающего мира”²⁹, ибо никто лучше его самого не может знать, во что он верил и к чему стремился. Этот аспект справедливо раскрыл Гусдорф: „nikt lepiej niż sam zainteresowany nie może oddać sobie sprawiedliwości, i właśnie po to, aby usunąć nieporozumienie, aby ustalić prawdę, dotąd niekompletną lub zniekształconą, autor autobiografii podejmuje się przedstawienia własnej historii”³⁰.

Рассказывая историю своей жизни, Зайцев выбирает некий ее ход, путь, что принуждает писателя показать самого себя таким, каков он есть на самом деле, в перспективе того, каким он был в прошлом. Единство личности, сущность бытия – это для Гусдорфа – принцип соединения и понимания всех форм поведения, в которых авторское „я” было субъектом, всех лиц и мест, в которых „я” узнал знаки и свидетельства судьбы³¹. Повествование о самом себе является вторичным прочтением жизненного опыта, который, по Гусдорфу, является даже более искренним, чем первоначальный, потому что заключается в его осознании. Спустя многие года определенные события и связанные с ними эмоциональные переживания тускнеют в памяти, не давая возможности задержаться на них и проанализировать каждое отдельно.

Итак, память создает для писателя автобиографии некую дистанцию и позволяет тщательно восстановить все обстоятельства. Такой беспристрастный взгляд на минувшее открывает уму главные линии жизненного пути и то, что вдохновляло человека в момент решающего выбора. „Przejdźcie od bezpośredniego przeżycia do świadomości we wspomnieniu – утверждает Гусдорф – które dokonuje pewnego rodzaju powtórzenia tego przeżycia, wystarczy, by zmienić jego znaczenie”³². Прошлое Зайцева

²⁹ Ibidem, s. 126.

³⁰ G. Gusdorf, op. cit., s. 267–268.

³¹ Ibidem, s. 269.

³² Ibidem, s. 270.

утратило свою актуальность и эмоциональность, связанную с концепцией жизни как ее избегающих частиц. С другой стороны, оно получило новую концепцию, формирующуюся на основе интимной связи с жизнью, которая после периода исканий может стать вновь открытой и восстановленной.

Исследователи творчества Бориса Зайцева дружно утверждают, что автор пытался описать историю жизни Глеба как свою собственную при помощи рассказа; даже если в некоторых местах тетралогии хронология не обозначает последствия событий, и так прочитываем ее как интеллигентное их соединение, а временные ряды оказывается возведенными до уровня причинных рядов³³. Повествование в тетралогии является достаточно объективным (от третьего лица) и указывает на хронологическую систему событий. Более важным кажется, на наш взгляд, факт, что исповедальный характер тетралогии подчеркнут посредством введения признаний героев в высказывания центрального субъекта (Глеба).

Э. Славенка подчеркивает также документальный объем зайцевской тетралогии, заботливое отношение к верному восстановлению деталей окружения героев. С этими наблюдениям и стоит согласиться. Ведь автобиографизм соединен с бережной реконструкцией материальных, общественных и политических реалий минувшей эпохи, что делает тетралогию своего рода реконструкцией событий закрытых временем³⁴.

Андрей Битов в одном из своих выступлений сказал, что воссоздание собственной истории, описание давно прошедшего „убивает память”, является созданием „новой реальности”; и после этого автор не может уж быть убежденным в том, что было истиной, а что стало его художественной выдумкой³⁵. Это замечание можно отнести и к „Путешествию Глеба”, задумываясь при этом, каких глубин зачастую достигает память.

³³ Por. J. Sturrock, *Nowy wzorzec autobiografii*, [w:] Z. Koplarska, op. cit., s. 341.

³⁴ E. Sławęcka, *Między dokumentem a mitem. Uwagi o prozie narracyjnej Asara Eppela*, [w:] *Konteksty literatury rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku*, s. 98.

³⁵ А. Битов, *Изобретение каменного топора*, „Вопросы литературы” 1998, № 1, с. 285.

Streszczenie

Teatrologia B. K. Zajcewa „Podróż Gleba” – problematyka gatunku

Niniejszy artykuł porusza problem przynależności gatunkowej powieści Borysa Konstantynowicza Zajcewa (1881–1972) *Podróż Gleba*. Jako że autobiograficzność jest jedną z głównych cech literatury rosyjskiej XX wieku, wraz z jej spowiedniczym charakterem i dążeniem do samopoznania, autorka artykułu dokonała próby wyselekcjonowania elementów charakterystycznych dla tego gatunku. Autobiografia jest bowiem dla Zajcewa procesem kreowania siebie samego jako człowieka pokonującego własne słabości, procesem dojrzewania do wiary, wiodącym do całkowitej odmiany życia.

Summary

The theatre study of B. K. Zajtsev "The Journey of Gleb" – on the problem of genre

As *Gleb's Journey* is an authobiography, the author of the article explains this term, shows analogies and proves its belonging to an autobiographical genre. The whole novel has a common spirit pervading it. And this spirit comes from a very deep sense of longing so characteristic of Russian religious culture as a whole.

That is why this work is very emotional and appeals to the readers. It is very realistic because Zajtsev showed his life road from atheizm to deep and mature belief.